

Б. А. ПОЧХУА

ГРУЗИНСКАЯ ЛЕКСИКА В «НОСТРАТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ» *

Давно замечено, что в грузинском языке встречаются такие слова, которые имеют фонетические и семантические параллели (одновременно) за пределами картвельских и горских иберийско-кавказских языков и которые нельзя причислить к очевидным заимствованиям. Таковы, например, *uçeli* «ярко», *verçali* «серебро», *bi* «сова», *oropi* «удод», *tbili* «теплый», *kaça* «кошка», *qorani* «ворон», *piçvi* «сосна», *didi* «большой», *tura* «бурый», *karta* «левада, хлев», *kuo* «бык-производитель»; созвучные им основы встречаются в индоевропейских, семитских, финно-угорских языках. Интересы грузинской исторической лексикологии требуют полного учета подобных основ, а выявление древнейших лексических встреч ставит сложные историко-генетические проблемы.

Естественно, что грузинская лексика (благодаря наличию в ней подобных элементов) привлекла к себе внимание тех специалистов, которые, обратившись к так называемой ностратической гипотезе, задалась целью развить ее в стройную теорию. Ностратическая гипотеза в нашей стране ныне связана с именами советских лингвистов В. М. Иллича-Свитыча и А. Б. Долгопольского. Ниже мы коснемся грузинских слов, вошедших в труды В. М. Иллича-Свитыча, одаренного ученого, рано ушедшего из жизни¹.

В. М. Иллич-Свитыч так определял круг ностратических языков: «Ностратической мы называем большую языковую семью, включающую по крайней мере шесть языковых групп Старого света — индоевропейскую, алтайскую, уральскую, дравидскую, картвельскую и семито-хамитскую. Сравнение этих языковых групп (точнее, сравнение соответствующих шести реконструированных праязыков) с очевидностью свидетельствует об их родстве. На такое родство указывает прежде всего значительный объем общей для всех или части сравниваемых праязыков лексики, позволяющий сформулировать достаточно строгие фонетические соответствия и реконструировать исходную фонологическую систему ностратического языка-основы» («Материалы», 321).

В опубликованный «Краткий конспект сравнительного словаря», как называл его автор, вошло 600 единиц. Приблизительно к одной четвертой части их подобраны грузинские «соответствия». Автор опирался в основном на «Этимологический словарь картвельских языков» Г. А. Климо-

* Автор настоящей статьи в остро дискуссионной форме поднимает некоторые вопросы, связанные с возможностью вовлечения картвельского материала в круг исследований по ностратике; вся совокупность относящихся к ностратической гипотезе проблем в статье не рассматривается. Публикуя статью, редакция надеется, что ностратическая гипотеза послужит предметом всестороннего и непредвзятого обсуждения. — *Ред.*

¹ В. М. Иллич-Свитыч, *Материалы к сравнительному словарю ностратических языков*, сб. «Этимология. 1965», М., 1967 (далее в тексте «Материалы»); е г о ж е, *Соответствия смычных в ностратических языках*, сб. «Этимология. 1966», М., 1968 («Соответствия»); е г о ж е, *Опыт сравнения ностратических языков*. [I], М., 1971 («Опыт»).

ва²: В. М. Иллич-Свитыч в своей работе придерживался того мнения, что для восстановления праформ ностратического языка-основы пригодны лишь реконструированные основы сравниваемых праязыков; ЭСКЯ представляет собой именно опыт реконструкции пракартвельских форм.

Включение грузинского (и вообще — картвельского) материала в ностратический словарь недостаточно обосновано. Вот несколько примеров. «Материалы», 330: праностратическая основа **paɣa* «бить» реконструирована с помощью и.-е. праосновы **per-*, *perg-* «бить, резать», сем.-хам. **pr* «резать, разбивать» и, опираясь на ЭСКЯ, картв. **pir* «отбивать косу». Г. А. Климов справедливо отмечает, что данная глагольная основа является отыменной от **pir* «край», и в предыдущей словарной статье ЭСКЯ приводит картвельские варианты упомянутой именной основы: груз. *pir*- «рот, лицо край»; мегр. и чан. *piʒ-*, сван. *pil-*, *bil-* «край, губа» (дается ссылка на М. Броссе и др.). По Климову, «возможно сопоставление основы с материалом нахско-дагестанских языков» (ЭСКЯ, 153). Эта основа заимствована осетинским и армянским языками. Включение груз. *pir*- в ностратический словарь не оправдано: не обоснован исходный гласный в реконструированной («ностратической») основе, а с точки зрения семантической допущена явная ошибка. Дело в том, что *moriva*, которое Г. А. Климов правильно переводит через словосочетание «отбивать косу», в грузинском языке вовсе не связывается со значением «бить», как в русск. *отбивать*, а используется основа, обозначающая губу, край: *mo-pir-av-s* «заострит край (косы)», а не «бьет (по косе)». (Заметим, что в «Соответствиях», 339 та же грузинская основа сопоставлена с совсем иными основами индоевропейских, семито-хамитских и других языков.)

Другой пример («Соответствия», 347; «Материалы», 332): в ностратическом реконструирована **barda* «идти вброд» путем сравнения и.-е. **bhredh-*, **bhred-* «идти вброд, переходить вброд, бродить, бредить» и — с ссылкой на ЭСКЯ, 52 — картв. **bord-* или **bod-* «бродить, бредить». В ЭСКЯ, 52 эта основа представлена так: «**bod-* „бродить“: груз. *bod-* „бредить“; мегр. *bordiš*; чан. *bod-* „бродить, беспокойно сновать (о наседке)“, она возводится к эпохе грузинско-занского языкового единства (груз. *bod-w-a*, чан. *o-bod-u*). В мегрельском эта основа, по-видимому, была контактирована с какой-то иной; этим можно объяснить ее незакономерно измененный облик. В груз. основа имела и значение „бродить“. Семантическая связь между „бродить“ и „бредить“ очевидна и находит аналогии в других языках. Ср. и.-е. **bhred(h)-* / *bhrod(h)-* (IEW, 164)». Сведения о семантической связи между «бродить» и «бредить» в грузинской основе, сообщаемые в ЭСКЯ, требуют уточнения: груз. *bodva* «бредить» не так легко связывается с чанск. *bod-* «беспокойно сновать (о наседке)». Ничем не доказано наличие исконого значения «бродить» в грузинской основе.

Г. А. Климов в упомянутых картвельских основах видит аналогию семантической связи между индоевропейскими основами «бредить» и «бродить». Недостаточно полно и точно учитывая материал, представленный в ЭСКЯ, В. М. Иллич-Свитыч объявил генетически идентичными грузинскую основу, обозначающую «бредить», и индоевропейскую — «бродить» и сделал заключение о наличии основы **barda* «идти вброд» в праностратическом языке. При этом не принято во внимание, что фонема *r* налична из картвельских форм только в мегрельской, где она вторична (по словам Г. А. Климова, это след-

² М., 1964 (далее — ЭСКЯ). При отдельных основах в публикациях В. М. Иллич-Свитыча даются также ссылки на словари и труды Н. Я. Марра, И. А. Кишидзе, А. С. Чикобава и др.

ствие контаминации с иной основой), в индоевропейской же основе фонема *r* исконная. Не оправдано (по крайней мере, по данным картвельских форм) предположение вокального исхода праностратической основы. Наконец, увязывание картвельского значения «бродить» и, допустим даже, «бродить» с индоевропейским значением «идти вброд» (неправомерно: грузинской основе слова *vodva* приписывается значение «брод» («идти вброд») по аналогии с русск. *бродить*, основой которого является *брод*).

В «Соответствиях», 328 грузинский послелог *-ken* «по направлению к» сопоставляется с алтайско-уральско-дравидскими морфемами: «алт. **ka/-kä*, формант латива-датива ~ урал. **-kk(Δ)*, формант латива ~ драв. **kk(Δ)*, формант датива ~ картв. **-ken*, послелог „по направлению к“ (груз. *-ken*)». Здесь не принимается во внимание то, что *-ken* — вовсе не общекартвельская основа и представляет собой остаток самостоятельного грузинского слова *kerzo* «половина, сторона, край»; *kerzo* в древнегрузинском встречается и в функции послелога как с лативным падежом («куда»), так и с исходным («откуда»)³. Ауслautная фонема *n* (которая в «Соответствиях» предполагается также в одном из дравидских языков) явно вторична: *kerzi*: *kerzo* > *kerz* > *ke* > *ken*; она появилась, вероятно, по аналогии с другим послелогом *-gan*⁴. Таким образом, отнесение послелога *-ken* к общекартвельскому состоянию не оправдано ни фонетически, ни семантически.

Подобные неточности ставят под сомнение и другие случаи использования в словаре грузинского (картвельского) материала; для того чтобы отделить генетически общие слова от случайных совпадений по звучанию необходима дополнительная проверка (что касается значения, по словам самого автора, «семантическая реконструкция ностратических праформ весьма условна» — «Материалы», 321).

Так, в «Материалах» праностратическая **mag* реконструирована по данным и.-е. **még(h)*- «большой», драв. **ma* «великий» и, с некоторым колебанием (под вопросительным знаком), картв. **mag-ar* (опираясь на груз. *magar*- «сильный, крепкий»); в другом труде («Соответствия», 334) отсутствует индоевропейская основа, но картвельская приведена уже без колебания с значением «большой». Это значение не засвидетельствовано в опорном грузинском слове, но оно нужно автору для сближения (индоевропейско-)дравидско-картвельских основ. Во всех трех формах общими являются *ma/me*, а значения — весьма отдаленные: «великий» — «крепкий».

«Материалы», 372: праностратическая основа **han(g)* «язык» создана в результате сравнения индоевропейских и уральских праформ, а также картв. **(n)ina* (с ссылкой на ЭСКЯ, 173). Но Г. А. Климов, во-первых, реконструирует *nena* [не *(n)ina*]; во-вторых, он подчеркивает, что «основа имеет символический характер; отсюда ее близость ко многим аналогичным основам самых разных языков...» (ЭСКЯ, 147).

Нередко В. М. Иллич-Свитыч сопоставляет грузинскую основу с основой, зафиксированной лишь в одной группе ностратических языков, что делает малоубедительным предположение о ностратическом характере такой основы: например, груз. *vrek* «изгибаться» (сопоставляется с и.-е. **Herk-* «нечто изогнутое»), **glow-* «скорбеть» (с дравид. **gol*), *jal-* «ремень» (с алт. **t'ajl'a*), **dum* «знать» (с семито-хамитским **dum*). Даже если во всех этих случаях представлены несомненно идентичные основы, не исключена возможность, что это — следствие языковых контактов, а не

³ См.: А. Ш а н и д з е, Основы грузинской грамматики, Тбилиси, 1953 (на груз. яз.), стр. 622.

⁴ Ср.: А р п. Ч и к о б а в а, Об одном неизвестном пресвербе в грузинском языке, «Изв. ИЯМК», 1, Тбилиси, 1937 (на груз. яз.).

исконной генетической близости соответствующих языков. Примечательно, что подавляющее большинство (25 из 37) таких грузинских основ сближается с соответствующими основами индоевропейских и семито-хамитских языков, с которыми, вероятнее всего, грузинский язык имел непосредственные контакты.

В списке, содержащем 104 праностратические основы, с уральскими основами сближаются 84, с алтайскими — 80 и т. д. и лишь 57 — с картвельскими, причем из них 54 совпадают одновременно с индоевропейскими и семито-хамитскими основами (см. «Опыт», 18—37).

В. М. Иллич-Свитыч полагал, что ему удалось «сформулировать достаточно строгие фонетические соответствия» («Материалы», 321)⁵. Дело, однако, в том, насколько достоверны те лексические сопоставления, на базе которых выведены упомянутые фонетические соответствия; на наш взгляд, включенные в ностратический лексический фонд грузинские (картвельские) слова не могут служить надежным эмпирическим фундаментом для выведения таких соответствий. При ближайшем рассмотрении большинство этих соответствий окажутся просто одинаковыми звуками и поэтому не могут быть использованы в качестве достоверного критерия при разграничении генетически общих элементов и заимствований или случайных совпадений. Когда речь идет о дифференцированных основах, доказательную силу имеют, как известно, различия, имеющие регулярный характер⁶.

Изменения значений не объяснены, поэтому семантические сближения вообще далеки от желаемой точности; в лучших случаях они лишь правдоподобны и не обладают доказательной силой. А для ностратических основ они, к тому же, весьма условны: каким ориентиром может служить значение корня, например, в случаях семантической гипертрофии, когда одно и то же значение передано тремя-четырьмя и даже шестью-семью синонимами⁷, и не представляется возможным наметить диалектную филиацию семантики или установить определенную регулярность в этой пестрой картине. Бесспорно, выявить в грузинском общи с языками Евразии основы и вообще проследить древнейшие связи этих языков — одна из важных задач исторического языковедения. Однако сопоставления, примеры которых приведены выше, не могут способствовать решению этой большой проблемы.

Серьезные сомнения вызывают не только сопоставления отдельных основ, но и позиция, занимаемая сторонниками ностратической гипотезы, в вопросе определения места грузинского языка (и вообще картвельских языков) среди других языковых групп мира. С целью установления ностратического языка-основы сравниваются реконструированные праязыки индоевропейской, алтайской, уральской, дравидской, картвельской и семито-хамитской семей; таким образом, картвельские языки («пракартвельский язык») рассмотрены на уровне индоевропейской, дравидской и т. д. семей, между тем как горские кавказские языки не упоминаются. Выражение «п о к р а й н е й м е р е шесть языковых групп» («Материалы», 321; разрядка наша.— *Б. П.*) как будто не исключает и другие

⁵ Редактор посмертного издания «Опыта» (стр. XXXIV) характеризует эти фонетические соответствия даже как «совершенно строгую систему».

⁶ См. об этом: А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языковедении, М., 1954, стр. 35; А. С. Чикобава, Общее языковедение, I, Тбилиси, 1935 (на груз. яз.), стр. 89; О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр. 441; И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 12.

⁷ В «Материалах к сравнительному словарю ностратических языков» дано около 400 семантических единиц, причем одна треть из них представлена синонимами, в том числе по пять синонимов приходится на такие значения, как, например, «рождать» и «хватать», а на «связывать» — даже семь синонимов.

языки, по отношению к горским иберийско-кавказским языкам — иное: «Многочисленные попытки показать генетическое родство картвельских языков с двумя группами северокавказских языков (так называемая „иберийско-кавказская“ гипотеза) не дали пока достаточно убедительных результатов» («Опыт», 53). Нам представляется, что при рассмотрении генетических связей картвельских языков нельзя игнорировать показания горских языков.

Так, например, груз. основа *gul-* «сердце» сопоставлена с алт. **gōl*(*λ*), обозначающей в разных языках: «сухое русло; сухой дол; низменность, бассейн реки; небольшой арык; небольшая равнина среди песков; река, долина, сердцевина дерева, внутренность, середина; центр, река; река, пространство между горами вдоль русла реки; середина, русло реки; проходящая насквозь веревка, главный шов в одежде, сердцевина ствола, русло реки; долина, улица». Автор предполагает такое «семантическое развитие»: «сердцевина, середина» → «середина долины» → «русло реки». Сопоставление производится также с семито-хамитскими и дравидскими основами, обозначающими «сердце», «почки», «грудь» («Опыт», 231—232); эти праформы состоят из заднеязычного смычного, гласного и сонорного (обычно *l*).

При этом не принимаются во внимание те связи, которые имеет грузинская основа с основами других, не «ностратических» языков. Не учтены даже сведения, приведенные в ЭСКЯ, который служит одним из источников nostrатических реконструкций: «Основа [*gul-*] давно обращала на себя внимание как одно из ярких материальных схождений как с абхазско-адыгскими (абх. *-gъy*, адыг., каб. *gyъ*), так и, как принято думать, с нахско-дагестанскими языками (авар. *rakI*, лакск. *dakI*, дарг. *urkIи*, лезг. *rikI*, удин. *uk* и др.)» (ЭСКЯ, 66), из чего видно, что корень представлен здесь лишь анлаутным смычным *g/k*, а последующий гласный и сонант (*ul*) принадлежат суффиксу. Пока эти факты не будут надлежащим образом учтены (если же они неприемлемы, то должна быть доказана их неприемлемость), сопоставление грузинского слова *guli* (*g-ul-i*) «сердце», например, с корейск. *kol* «улица», с тувин. *zol* «сухое русло», тамилск. *kiṇṇi* «почки» и т. д. беспочвенно.

В. М. Иллич-Свитыч не принимал во внимание общий кавказский характер ряда других основ, представленных в нижеследующих грузинских словах: 1) *рза* «ость, кость рыбы», о котором в ЭСКЯ (стр. 194) сказано: «налицо очевидные материальные встречи как с абхазско-адыгским языковым миром (адыг., каб. *пъъy* „хрящ, остов“), так и, по-видимому, с нахско-дагестанским (чеч. *пъъa*, лакск. *хъъъa* < **пъъa-*, дарг. *рза-* „сухожилие, жила“); 2) *idaqwi* «локоть» — «одно из наиболее интересных материальных схождений картв. языков как с абхазско-адыгскими, так и с нахско-дагестанскими языками» (ЭСКЯ, 74); 3) *gorva* «катиться» (ЭСКЯ, 64); 4) *matli* «червь»⁸; 5) *zarxuli* «лето» («Абх.-картв.», 290—291) и др.

Таким образом, горские кавказские языки определенно исключаются из круга nostrатических языков, хотя они несравненно ближе к картвельским языкам, чем эти последние к дравидским, уральским, алтайским.

Гипотезу родства иберийско-кавказских языков разделяет большинство кавказоведов; но общеизвестно и то, что, по словам Г. Фогта, «под ней не все языковеды подпишутся без колебания»⁹. В частности, И. М. Дьяконов считает, что восточнокавказские (хуррито-урартские и

⁸ ЭСКЯ, 129; см. также Г. А. К л и м о в, Абхазоадыгско-картвельские лексические параллели, сб. «Этимология. 1967», М., 1969 (далее — «Абх.-картв.»), стр. 290.

⁹ См. рецензию Г. Фогта на восьмитомный Толковый словарь грузинского языка (NTS, XXI, 1967).

нахско-дагестанские), западнокавказские (абхазско-адыгские «и, возможно, хатский») и центральнокавказские (картвельские) языки представляют собой ветвь единой кавказской (над-) семьи¹⁰.

Г. А. Климов отмечает, что «дальнейшее накопление абхазоадыгско-картвельских материальных параллелизмов представляется наиболее перспективным направлением в разработке гипотезы внутреннего родства кавказских языков. Можно надеяться, что дальнейшее исследование расширит и объем соответствующего материала». Хотя, по его мнению, «в настоящее время едва ли имеются основания переоценивать открывающиеся в этом отношении перспективы», все же, говоря об «а ргіоі допустимом родстве кавказских языков», Г. А. Климов пишет: «Не исключено..., что такое родство в будущем удастся продемонстрировать только на уровне так называемого "ностратического" единства» («Абх.-картв.», 295).

Даже эти осторожные высказывания подразумевают, что отношения древнейшего грузинского словарного фонда (и вообще вопрос о древнейших связях картвельских языков) с индоевропейскими, семито-хамитскими и другими языками неправомерно рассматривать изолированно, а следует анализировать с учетом широкого контекста иберийско-кавказских языков (а также мертвых языков древней Передней Азии и баскского).

¹⁰ И. И. Дьяконов, указ. соч., стр. 24.